

«Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности

О.С. Гайдаев

Санкт-Петербургский государственный университет

Почему безопасность требует осторожного обращения? Может ли безопасности быть слишком много? Исследователи Копенгагенской школы О. Вэйвер и Б. Бузан попытались ответить на эти вопросы с помощью теории секьюритизации, изучая безопасность как форму социальной практики. Идеи о том, что в международной политике безопасность не всегда следует рассматривать как абсолютное благо, а угрозы не всегда стоит объективировать, достаточно прочно укоренились в конструктивистских подходах к изучению проблем международной безопасности. Свообразным продолжением этой дискуссии стали теоретические подходы, на протяжении почти 15 лет разрабатывавшиеся в русле т.н. Парижской школы исследований о международной безопасности. В настоящее время приходится констатировать, что в отечественной литературе обзоры этих подходов носят крайне обобщающий характер либо отсутствуют вовсе. С целью устранить этот недостаток автор предпринял попытку проанализировать содержание теоретических подходов и дать их целостную характеристику, обращаясь к оригинальным работам главных мыслителей Парижской школы: Д. Биго и Й. Хейсманса. Эта статья продолжает цикл исследований, целиком посвящённых феномену секьюритизации: от ранней версии теории до современных теоретических концепций. Из зарубежной литературы в отечественный научный оборот вводятся понятия «домены небезопасности», «эксепционалистская технология секьюритизации» и «диффузная технология секьюритизации». Большое внимание в работе уделяется анализу теоретико-философских истоков Парижской школы в целом и теории (ин)секьюритизации в частности, даётся подробная характеристика представлений авторов о диалектической связи безопасности и небезопасности, а также о секьюритизации как политической технологии.

В заключительной части обобщаются ключевые идеи и положения Парижской школы исследований в свете сильных и слабых сторон описываемых подходов. Делается вывод о том, что специалистами школы была сформулирована новая теоретическая модель секьюритизации, отличная от версии первоначальных авторов теории и строящаяся на иной логике безопасности. Предложенный подход имеет ценность для исследований актуальных международных проблем как

УДК: 327

Поступила редакцию: 09.10.2021 г.

Принята к публикации: 12.01.2022 г.

инструмент для конструктивной рефлексии и критического анализа практик безопасности, наиболее распространённых в современных неолиберальных обществах Запада.

Ключевые слова: инсекьюритизация, теория секьюритизации, Парижская школа, международная безопасность, национальная безопасность, биополитика, неолиберализм, профессионалы безопасности, политическая социология, социальный конструктивизм

Как показало время, оптимизм относительно будущего международной политики, возникший с окончанием холодной войны, оказался преждевременным. При прочтении работ многих зарубежных и отечественных специалистов складывается впечатление, что в нынешнем веке мир не стал безопаснее, и что всё происходит с точностью до наоборот: появляются всё новые и новые угрозы, выстроенная поколениями политических деятелей архитектура международной безопасности разрушается, мир характеризуется возрастающей неопределённостью, нестабильностью и непредсказуемостью. Об этом стало модно говорить в научных работах (Lo 2015; Михайленко 2017; Полякова, Минбалеев, Кроткова 2020) и заявлениях государственных деятелей¹.

Но здесь есть противоречие. Действительно ли мир вступает в некий долгий и явно затягивающийся переходный период перестройки глобальной архитектуры безопасности? Действительно ли мир характеризуется возрастающей непредсказуемостью и неопределённостью? А может быть, дело не в мире как таковом, а в изъянах логики традиционных подходов к изучению проблем международной безопасности? Не становимся ли мы, в том числе специалисты, заложниками этой самой логики в том смысле, что отождествляем безопасность с условиями её достижения, некритично воспроизводим логику конфронтации и мыслим категориями противостояний, выдавая теоретические суждения за относительные истины? Вопрос полемический.

В подобной ситуации как никогда актуально обращение к альтернативным точкам зрения и взглядам, позволяющим по-новому взглянуть не только на происходящие в мире процессы, но и на саму суть, природу международной безопасности и её связь с политическими и международными процессами.

Одним из таких альтернативных течений в западной теоретической мысли стали критические исследования безопасности, часто упоминаемые в виде трёх направлений или «школ»: Копенгагенской, Парижской и Уэльсской. В русле первой из названных школ появилась концепция секьюритизации, речь о которой и пойдёт в настоящей работе.

¹ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе VI Московской конференции по международной безопасности. Москва, 26 апреля 2017 года. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17438> (accessed 13.02.2022); Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. February 19, 2021. URL: www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/ (accessed 13.02.2022).

О первоначальной или классической версии этой теории, разработанной коллективом авторов т. н. Копенгагенской школы (Buzan, Wæver, Wilde de 1998), отечественный читатель в целом осведомлён. Суть этого исследовательского подхода состоит в попытке выйти за рамки традиционных представлений о безопасности как абсолютном благе и в интерпретации безопасности как формы дискурсивной практики. Секьюритизация представляет собой интерсубъективный процесс, в котором политические акторы решают, какие угрозы носят характер экзистенциальной опасности и требуют принятия неотложных мер для нейтрализации нежелательной динамики. Иными словами, с точки зрения теории секьюритизации никакая динамика или явление не может быть проблемой безопасности априори: угроза обретает соответствующий статус в результате политического выбора, в ходе практик секьюритизации.² Хотя знания о самой теории всё ещё остаются фрагментарными, отечественные исследователи проявляют возрастающий интерес к применению концептуального аппарата теории секьюритизации для исследования актуальных международных проблем (Эйвазов 2017; Коновалов, Погосян 2020; Григорьева 2021).

Ситуация тем критичнее, что на фоне роста интереса к теории секьюритизации более современные подходы остаются практически вне поля зрения специалистов. К одному из таких мало освещённых сюжетов следует отнести научные изыскания Парижской школы исследований о безопасности в лице французского специалиста Д. Биго и бельгийского исследователя-международника Й. Хейсманса. Необходимо констатировать, что упоминания о работах этих авторов носят в отечественной среде во многом фрагментарный или чересчур обобщающий характер (Маталева 2017; Конышев, Сергунин, Субботин 2017; Апрыщенко 2016; Григорьева 2021).

Я стремлюсь восполнить этот пробел, продолжая цикл исследований о феномене секьюритизации: от самых ранних вех в развитии теории до современных научных разработок (Гайдаев 2021). Методологическую основу работы составляют микросоциологический подход О. Вэйвера (Wæver 2010) и «посткунианская» социология науки Б. Бузана и Л. Хансен (Buzan, Hansen 2009). Суть предлагаемого исследовательского подхода заключается в комбинировании индуктивных и дедуктивных стратегий при описании истории дисциплины о международной безопасности, во внимании к личностям авторов исследуемых теорий, а также в попытке описать теорию секьюритизации как динамично развивающуюся область знаний, а не только как совокупность неких статичных постулатов. В рамках исследования автор обращается исключительно к оригинальным текстам двух важнейших фигур Парижской школы: Д. Биго и Й. Хейс-

² Сказанное, таким образом, гипотетически допускает существование объективных угроз. Однако теоретики секьюритизации считают, что плодотворнее изучать то, как проблемы безопасности конструируются в социальной практике, чем оценивать объективную реальность тех или иных угроз.

манса, – привлекая также работы других зарубежных и отечественных специалистов по рассматриваемой проблематике.

Теоретико-философские истоки Парижской школы исследований о международной безопасности

В ряде отечественных работ, упоминающих Парижскую школу исследований о безопасности, утверждается, что представителями этой школы и создателями т.н. теории (ин)секьюритизации являются французский философ М. Фуко и социолог П. Бурдьё³ (Гамерман 2016). Такое представление не может быть верным хотя бы потому, что П. Бурдьё не принимал деятельного участия в создании этой интеллектуальной традиции, а М. Фуко ушёл из жизни задолго до возникновения Парижской школы. Представляется важным разъяснить: с чем именно связано зарождение Парижской школы исследований о международной безопасности, и какое отношение к ней имеют упоминаемые П. Бурдьё и М. Фуко.

Зарождение этой интеллектуальной традиции было связано как с внешней динамикой международных отношений, так и с внутренней динамикой академических дебатов по вопросам безопасности. Сам термин «Парижская школа» был введён в научный оборот О. Вэйвером в работах 2003–2004 гг.⁴

По мнению основателя и главной фигуры Парижской школы – французского исследователя Дидье Биго⁵, на рубеже XX–XXI вв. главной тенденцией в системе международных отношений стала транснационализация вопросов безопасности. Опираясь на работы других авторитетных специалистов (Badie 1995), он отмечает, что транснационализация и экономическая глобализация бросают вызов и дестабилизируют такие концепты как «суверенитет», «территориальность» и «безопасность», в связи с чем эти понятия требуют коренного пересмотра (Bigo 2001b).

Международный контекст того времени как нельзя лучше подчёркивал справедливость этих суждений. Во-первых, в 1990-е гг. политические деятели Европы столкнулись с вызовом в виде миграции из стран Африки, государств

³ Гасанов К.Н. 2013. *Современные европейские теории и концепции национальной безопасности*. URL: <http://csef.ru/politica-i-geopolitica/500/sovremennye-evropejskie-teorii-i-koncepczii-nacjonalnoj-bezopasnosti-4624> (accessed 13.02.2022).

⁴ Wæver O. 2003. *Securitisation: Taking stock of a research programme in Security Studies*. URL: <https://docplayer.net/62037981-Securitisation-taking-stock-of-a-research-programme-in-security-studies.html> (accessed 13.02.2022); Wæver O. 2004. *Aberystwyth, Paris, Copenhagen. New 'Schools' in Security Theory and their Origins between Core and Periphery* (тезисы, представленные на ежегодной конференции Ассоциации международных исследований, Монреаль, 17-20 марта, 2004).

⁵ В настоящее время Д. Биго является одним из ведущих специалистов в области международной безопасности; профессором кафедры политической социологии в Институте политических исследований Sciences Po (Париж, Франция), профессором кафедры военных исследований в Королевском колледже Лондона. Также он директор Центра исследования конфликтов, свободы и безопасности (CCLS) и главный редактор международного научного журнала «Культуры и конфликты» (Cultures et Conflits).

бывшего СССР и Югославии, и было не вполне ясно, какую политику проводить как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Во-вторых, события 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними глобальная война с международным терроризмом ещё больше запутали политическую ситуацию: как противодействовать угрозам на своей территории, когда враг без труда пересекает государственную границу? Как обращаться с мигрантами в свете усиливающейся тревожности относительно угроз терроризма? Во многом именно этот узел противоречий, порождённый вызовами миграции и терроризма, оказался в центре внимания исследователей Парижской школы.

1989 год можно по праву считать начальной точкой отсчёта в истории этой интеллектуальной традиции. Именно в этом году был учреждён международный научный журнал «Культуры и конфликты», перед которым была поставлена цель объединить на своей площадке социологов, историков, антропологов и политологов со всего франкофонного мира, не согласных с узкой трактовкой безопасности и предлагавших альтернативное видение вопросов пост-биполярного мироустройства⁶. К числу специалистов, работавших в традициях Парижской школы исследований о безопасности, помимо Д. Биго относят также Й. Хёйсманса, А. Цукала, А. Джейхан, Э. Гилд, Ж.-П. Анона и Л. Бонелли (C.A.S.E. Collective, 2006).

Можно сказать, что для Д. Биго работы Копенгагенской школы (уже набравшей известность в 1990-е гг.) стали своеобразным фоном, на котором специалист рассуждал о текущих проблемах и новых тенденциях в сфере безопасности. Эксперт посчитал предложенный О. Вэйвером концепт секьюритизации неадекватным для объяснения и анализа сложившейся политической ситуации в Европе. Сферу научных интересов этого автора также составляли вопросы международной безопасности, но, в отличие от О. Вэйвера, под иным углом: в контексте вопросов миграции и полицейской деятельности вне национальных границ. В результате своих исследований специалист пришёл к выводу, что дискурсивное пространство политики и речевые акты, находящиеся в центре внимания О. Вэйвера (Wæver 1995) – это лишь «вершина айсберга» (Bigo 2002: 86), а его основание следует искать в ежедневных практиках тех, кто непосредственно курирует и решает вопросы, связанные с безопасностью.

К этому выводу Д. Биго подтолкнули идеи, высказанные французским социологом П. Бурдьё (Бурдьё 2001). Так, согласно его представлениям, полноценное знание рождается из перспективы ситуации самого практика, а не стороннего «объективного наблюдателя». Если понимать под безопасностью форму социальной практики, то никакая подобная теория практики невозможна, коль

⁶ Bigo D., McCluskey E. 2018. What is a PARIS Approach to (In)securitization? Political Anthropological Research for International Sociology. Gheciu A., Wohlforth W. (eds) The Oxford Handbook of International Security. 18 p. URL: www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780198777854.001.0001/oxfordhb-9780198777854-e-9 (accessed 12.02.2022) DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198777854.013.9

скоро она не конструируется как бы глазами самих участников ситуации и с их точки зрения, т. е. практически.

Для Парижской школы исследований безопасности это и есть ключ к пониманию секьюритизации. Д. Биго заимствует у П. Бурдьё и П. Вэна (Veune 1979) **реляционный подход**, ставящий практики и отношения в центр исследовательского интереса, так как через них исследователь познаёт самих акторов и структуру: «Действуя, акторы формируются отношениями, в которые они вовлечены. Их идентичность, личности, и даже тела – это не автономные точки, а точки в соотношении с другими точками. Отношения мимикрии и отличия формируют идентичность акторов... “середина” (т. е. отношения) формирует “концы” (точки), а не наоборот» (Vigo 2011: 236).

Для изучения практических смыслов и практик в сфере безопасности Д. Биго также активно заимствует из исследовательского арсенала П. Бурдьё понятия **полей** и **габитуса** (Vigo 2001b; Vigo 2002; Bourdieu 1984; Бурдьё 2001)⁷.

Хотя ни П. Бурдьё, ни М. Фуко не принимали деятельного участия в зарождении Парижской школы, их идеи стали отправной точкой в осмыслении Д. Биго вопросов международной безопасности.

В этой связи необходимо упомянуть концепт **биополитики** из постмодернистской философии М. Фуко, без которого до конца понять теоретические построения Д. Биго невозможно. Именно биополитика связывает процесс секьюритизации с более широкой философской проблематикой, объясняет связь между безопасностью и небезопасностью, тем самым раскрывая смысл столь загадочного на первый взгляд понятия (ин)секьюритизации.

Сам М. Фуко характеризовал биополитику как одну из форм власти над жизнью, своеобразную технологию социального контроля народонаселения, служившую «опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия...» (Фуко 1996: 243). По мнению философа, «Эта био-власть была (...) необходимым элементом капиталистического развития, которое могло быть обеспечено лишь ценою контролируемого включения тел в аппарат производства и через подгонку феноменов народонаселения к экономическим процессам» (Фуко 1996: 244).

В контексте теории секьюритизации сказанное означает, что референтным объектом безопасности в биополитике становится не суверенитет, не территория, не народ, а сама «жизнь», воплощённая в форме человеческой популяции и оцениваемая с точки зрения её экономической продуктивности и возможностей для выгодной эксплуатации. Безопасность в биополитике не интересуется «выстраиванием стен» от условных угроз и потенциальных противников, напротив: изменения, передвижение, циркуляция и потоки людей, товаров и услуг

⁷ В определённом смысле интерпретация Д. Биго понятия «габитус» схожа с тем, что Б. Бузан и О. Вэйвер понимают как *modus operandi* действующих акторов – их индивидуальную логику действий и образ мысли.

становятся главным императивом биополитики, подчинённой, по сути, одной цели – «как заставить жизнь жить» (Dillon 2008: 269).

По мнению британского специалиста М. Диллона, такая ситуация в корне меняет наши представления о функциях и роли безопасности. Так, с точки зрения эпистемологии основной задачей традиционных дискурсов о безопасности было получение знаний об интересах, намерениях и возможностях акторов, а также нахождение причинно-следственных связей между их действиями и поведением. Эпистемология безопасности в биополитике подразумевает невозможность получения всеобъемлющего достоверного знания о причинах и следствиях, ведь случайность является неотъемлемой составляющей жизни и любых изменений. Вместо этого практики безопасности в биополитике сводятся в первую очередь к надзору и сбору сведений, выявлению паттернов поведения индивидов внутри популяции. На основе собранных данных создаются и классифицируются профили индивидов, с помощью которых становится возможным условно отделять «хорошие потоки» от «плохих» (Dillon 2008: 280), подрывающих экономическую продуктивность и потенциал жизни. Любая динамика, рассматриваемая в качестве вредящей или потенциально негативной, по возможности изолируется, берётся под особый контроль и исключается из биополитики, погружаясь, в терминах итальянского философа Дж. Агамбена, в «состояние исключения» (Агамбен 2011: 16)⁸.

Таким образом, при интерпретации секьюритизации с помощью политической философии М. Фуко⁹ становится ясно, что в широком смысле она не ограничивается только дискурсивными практиками, активизирующими вопросы идентичности и противопоставления «себя» и «угроз» в политике, но также включает в себя (что более важно) технологии и наборы практик, связанных с контролем и регулированием изменчивой природы жизни для оптимизации её экономического потенциала.

Парадоксально, но такая интерпретация позволяет отнести к практикам безопасности и секьюритизацию финансовых активов – термин, казалось бы, далёкий от повестки вопросов теории международных отношений¹⁰. По мнению М. Диллона, секьюритизация активов представляет собой характерный пример инструмента биополитики, капитализирующего «жизнь» через категорию риска как торгуемого актива (Dillon 2008: 268).

⁸ «Исключение» (*англ.* exclusion) – одно из центральных понятий философии Дж. Агамбена, используемое им для характеристики ситуации в современных обществах, где государства усиливают контроль над повседневной жизнью человека, а состояние исключения из правил (чрезвычайного положения) становится составным элементом этой политики.

⁹ В своих работах Д. Биго неизменно ссылается на идеи М. Фуко и заимствует такие понятия из его философии, как: «управленчество», «диспозитив», «паноптикон», «власть-знание».

¹⁰ В финансовом смысле термин «секьюритизация» встречается начиная с 1977 г. и восходит к *англ.* «securities» (ценные бумаги). Изобретателем термина принято считать Л. Раниери, бывшего главой ипотечного департамента банка Salomon Brothers. В современном смысле для страхования рисков, жизни и трудоспособности используются более современные финансовые инструменты.

Именно под таким теоретическим углом Д. Биго подошёл к оценке европейской миграционной политики, которая во многом стала походить на технологии и практики биовласти. Забегая вперёд, надо сказать, что оценки специалиста оказались пессимистичными.

Осторожно, безопасность!

Согласно представлениям Д. Биго, в качестве своеобразного «побочного эффекта» фукодианской биополитики складывается ситуация, в которой безопасность перестаёт быть «панацеей» от небезопасности, напротив – зачастую она её и порождает, приводя к возникновению т. н. «**континуума небезопасности**» (Bigo 2001a). Почему?

Как подчёркивает британский философ М. Диллон, «авиаперелёты распространяют заболевания, равно как туристов, финансы и бизнес. В схожей манере международная финансовая система может быть использована для спонсирования террористов, равно как для промышленного и финансового роста. (...) Подобные угрозы не могут исходить от чужеродных агентов. Это уже общепризнанно, что они могут быть прямым следствием сложной динамики самих систем» (Dillon 2008: 269). К слову, именно поэтому Д. Биго использует термин «**(ин)секьюритизация**». Как позднее уточнит он сам, безопасность не устраняет небезопасность, здесь даже нет двух сторон одной медали: «у нас есть только одна сторона на неориентируемой поверхности (как на ленте Мёбиуса), которую мы именуем (не)безопасностью или процессом (ин)секьюритизации» (Bigo 2014: 221). Сказанное также означает, что на практике любые попытки обезопасить кого- или что-либо неминуемо воспроизводят небезопасность. Так, например, меры миграционных служб по ограничению въезда нежелательных лиц только подкрепляют опасения местного населения насчёт мигрантов, напоминая своего рода самосбывающееся пророчество.

В этой идее не было бы чего-то принципиально нового (особенно если вспомнить идею О. Вэйвера о том, что безопасность в принципе невозможно помыслить, не представив существование угрозы)¹¹, если бы Д. Биго не определил секьюритизацию отличным от О. Вэйвера способом. (Ин)секьюритизация, по Д. Биго – это не ответ на угрожающие обстоятельства, а способность управлять небезопасностью и созидать её (Bigo 2014).

Такая формулировка уводит внимание исследователей в сторону от чрезвычайной политики к изучению повседневных рутинных практик и каждодневной деятельности, благодаря которой и осуществляется это «управление».

¹¹ Wæver O. 1989. *Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a word, 2nd draft*. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 13.02.2022).

Примечательно, что другой известный представитель Парижской школы, Йеф Хейсманс¹², избрав совершенно другую линию рассуждений, приходит к выводам, аналогичным сделанным Д. Биго: безопасность невозможна без воспроизводства и созидания небезопасности (Huysmans 2014: 17). Как исследователь приходит к такому умозаключению?

Надо добавить, что Д. Биго и Й. Хейсманса¹³ не объединяло общее место работы, а их знакомство состоялось на полях научной конференции лишь в 1995 г. (C.A.S.E. Collective: 2006). Сферу научных интересов Й. Хейсманса, так же как и Д. Биго, составляли вопросы европейкой безопасности в контексте вопросов миграции. Но в отличие от своего коллеги, сфокусировавшегося на исследовании транснациональных практик полиции, Й. Хейсманс сосредоточил своё внимание на вопросе соотношения безопасности и политики. К слову, этот вопрос ранее частично затрагивал и О. Вэйвер, характеризуя секьюритизацию и лежащую в её основе логику безопасности в качестве составного элемента политико-образующих принципов общества¹⁴. Безопасность, таким образом, всегда несёт в себе нечто большее, чем просто дефиницию угроз или определение мер по защите от них. Развивая эту идею, Й. Хейсманс предпринял попытку вскрыть смысл понятия безопасности через её взаимосвязь с политикой.

Как именно безопасность влияет на жизнь политических сообществ? В попытке ответить на этот вопрос, специалист обращается к работам французского философа Ж. Бодрийяра о феномене постмодерна (Бодрийяр 2000).

Отечественный исследователь Н.В. Юдин весьма удачно охарактеризовал суть идеи Й. Хейсманса: в онтологическом основании представлений о безопасности лежит страх человека перед лицом смерти как неминуемого конца и пустоты, неподвластной рациональному пониманию (Юдин 2017). Онтологическое присутствие смерти, не имеющей «лика» и непознаваемой в своей пустоте, невыносимо для человеческого разума. В постмодернистском обществе ответом человека на этот страх является попытка объективировать смерть, найти её воплощение в конкретных угрозах, объективируя, таким образом, и знания о них (Huysmans 1998a: 237). Гораздо легче жить, точно зная, что именно угрожает, и

¹² Как имя, так и фамилия автора являются фламандскими по происхождению и наиболее распространены на территории северной Бельгии. Поэтому согласно нидерландско-русской практической транскрипции данный вариант русского написания представляется единственно верным. Другие варианты, встречающиеся в отечественной литературе, (напр. «Дж. Гюисманс») являются неточными.

¹³ В настоящее время Й. Хейсманс является профессором школы политики и международных отношений лондонского университета Куин Мэри. Сферу научных интересов исследователя составляют вопросы миграции и международной безопасности. С января 2002 г. по декабрь 2015 г. также являлся профессором кафедры социальных наук при Открытом университете (Великобритания). По оценкам зарубежных специалистов, он внёс существенный вклад в развитие Парижской школы исследований о безопасности, дополнив её теоретические положения идеями из постпозитивистской философии. Хотя сам Й. Хейсманс не причисляет себя к какой-либо из школ, его работы во многом гармонично дополняют и развивают идеи, высказанные Д. Биго.

¹⁴ Wæver O. 1989. *Security, the Speech Act. Analyzing the Politics of a word, 2nd draft*. URL: www.academia.edu/2237994/Security_the_Speech_Act_working_paper_1989 (accessed: 13.02.2022).

что можно против этого предпринять. Получается, что страх смерти – это не только страх буквальной смерти от руки другого человека. Это также эпистемологический страх, порождающий страсть к познанию, поскольку в знаниях человек находит спасение от пугающей пустоты и неизвестности (Huysmans 1998: 235–237).

Пользуясь терминологией З. Баумана (Bauman 1992), Й. Хёйсманс называет безопасность **жизненной стратегией** – практикой, которая выступает медиатором между жизнью и смертью, наполняет жизнь смыслом перед лицом абстрактной смерти. Таким образом, в повседневной сфере политического цель любой политики безопасности состоит в аккумуляции знаний для борьбы со смертью, воплощённой в виде конкретных угроз или врагов, а также для её вытеснения и отсрочивания (Huysmans 1998a: 233–234). Это также предполагает, что безопасность не просто ассоциируется с более широким спектром политических практик, а что сама суть политического определяется в политике безопасности (Huysmans 2006: 10). Ведь как можно различать угрозы, не определяя границ между благими и неблагими деяниями, общественным добром и злом?

В контексте теории секьюритизации сказанное означает, что между безопасностью и небезопасностью, словно между онтологическим добром и злом, существует диалектическая связь: одно попросту невозможно без другого. Таким образом, в деятельности любых акторов или институтов, аккумулирующих знания об угрозах и формулирующих политику безопасности, всегда заложено своеобразное противоречие: как бы эти акторы ни стремились к освобождению людей от всех опасностей, само их существование невозможно без постоянного присутствия таковых (Huysmans 2006: 240, 244). Как позднее отметит Й. Хёйсманс: «Любая практика безопасности делает мир познаваемым в качестве мира небезопасности; она обязательно конституирует случаи и события как небезопасные. Здесь небезопасность – это не побочный эффект, а определяющий эффект или, вернее, составной элемент любой практики безопасности» (Huysmans 2014: 17). Характерным примером, по мнению исследователя, служит современная история Организации Североатлантического Договора (далее – НАТО), которая после завершения холодной войны не перепрофилировалась в экономическую или культурную организацию, а продолжила актуализировать дискурсы и практики, связанные с воспроизводством атмосферы глобального хаоса и небезопасности (Huysmans 2014). Можно заключить, перефразируя О. Вэйвера: воспроизводство небезопасности – это *jus necessitatis* правящих элит и профессионалов безопасности.

Опираясь на работы политического философа Р. Уокера (Walker 1997), Й. Хёйсманс в одной из более поздних работ высказал предположение, что знания в сфере безопасности формируют представления людей о том, что такое политика в целом: знание о природе взаимоотношений между нациями, людьми и государствами, людьми и окружающей средой, знание о том, как

необходимо поступать с точки зрения политики, и как поступать не следует. Он поясняет, что в таком случае исследования в области безопасности приобретают ещё одно, дополнительное измерение – изучение природы политического и связи между концептуальными представлениями о безопасности и историческими формами политической организации человеческих сообществ (Huysmans 2006: 13). Внимание к этим исследовательским вопросам стало неизменной отличительной чертой теоретического подхода Й. Хейсмана к изучению процессов (ин)секьюритизации.

Одна секьюритизация – две технологии

В своих работах исследователи Парижской школы в индивидуальной манере каждого не просто выходили за рамки представлений о безопасности как о речевом акте, но и намечали теоретическую модель технологии секьюритизации, построенную на иной логике безопасности.

Для адекватного понимания этой модели, отличной от представлений Копенгагенской школы, следует вернуться к первым произведениям Д. Биго, где он сформулировал основные положения т. н. теории (ин)секьюритизации.

В начале академической карьеры Д. Биго много писал на французском языке, однако международную известность приобрёл в 2000-х гг., опубликовав серию трудов на английском. К наиболее ранним произведениям, где нашли отражение основные теоретические постулаты Парижской школы и теории (ин)секьюритизации, следует отнести три работы Д. Биго: «Лента Мёбиуса внутренней и внешней безопасности» (Bigo 2001a), «Когда двое становятся одним: внутренняя и внешняя секьюритизации в Европе» (Bigo 2001b), «Безопасность и иммиграция: к критике управления над беспокойством» (Bigo 2002).

Французский специалист формулирует две тенденции, обосновывающие необходимость поисков нового подхода к пониманию безопасности. Во-первых, процессы глобализации и транснационализации, охватившие земной шар, дестабилизировали традиционные концепты суверенитета, территориальности и безопасности (Bigo 2001b: 320). Дело в том, что в профессиональных сообществах и массовом сознании стали утверждаться представления о возникновении новых угроз безопасности, «переступающих» границы государств: терроризм, организованная преступность, торговля людьми, нелегальная иммиграция, наркотрафик, контрабанда, пятые колонны, радикальный исламизм (Bigo 2001a). Эти угрозы, называемые Д. Биго «**трансверсальными**», бросают вызов сложившимся практикам в работе полиции и армии, поскольку и тем, и другим приходится выходить за пределы своих привычных компетенций. Прежние представления о национальных границах как своеобразных водоразделах между компетенциями органов внутренней и внешней безопасности постепенно размываются на фоне возрастающей роли глобализации.

В сложившейся ситуации идея Копенгагенской школы о дуализме национальной и социетальной безопасности не выдерживает критики, поскольку на практике никакого водораздела между ними также не существует. Представление безопасности в образе двуликого Януса, воплощающего в себе безопасность государства и общества, уступает место интерпретации безопасности как неориентируемого пространства под названием «лента Мёбиуса».

Как безопасность переходит в небезопасность, так и внутренняя безопасность, по той же аналогии, перетекает во внешнюю. Ссылаясь на работы Р. Уокера (Walker1993), французский специалист отмечает, что грань между вопросами внутренней и внешней безопасности всегда условна и является продуктом политической мысли и логики академических дисциплин. В эпоху глобализации рассмотрение вопросов внутренней и внешней безопасности в изоляции друг от друга приводит к неадекватной картине реальности, и многие «пограничные» практики (ин)секьюритизации оказываются вне поля зрения экспертов (Bigo 2008: 42).

Вторая тенденция, отмечаемая Д. Биго, – это возрастающая отчуждённость современной теории международных отношений от реальных практик профессионалов в сфере безопасности: полиции, миграционных служб, армии. Этим Д. Биго актуализирует значимость политической социологии в исследованиях о международной безопасности (Bigo 2001a).

Д. Биго делает вывод, что на практике размывание национальных границ европейских государств и расширение границ Европейского союза (далее – ЕС) создали трудности в работе органов безопасности. Прежние руководящие принципы и убеждения, касающиеся их задач и функций, исчезают: «Границы задач в сфере безопасности не фиксируются чёткими представлениями о том, что такое безопасность (а что нет). Они не знают, где внешнее заканчивается, и где внешнее начинается. Они не знают, где начинается безопасность, и где кончается небезопасность. Как в ленте Мёбиуса, внутреннее и внешнее тесно взаимосвязано» (Bigo 2001a: 103).

Таким образом, Д. Биго подходит к своей ключевой идее: для более полного и приближенного к реальности понимания проблем в сфере безопасности исследователю необходимо быть ближе к тем, кто непосредственно оценивает и решает эти проблемы, т.е. к **профессионалам безопасности**. Д. Биго отмечает: «...если мы будем пытаться анализировать только интер-дискурсивные практики ('преимущество' здесь в том, что исследователь отстоит на расстоянии от этих "плохих парней"), мы будем 'интеллектуализировать' секьюритизацию как способ, который соотносится с габитусом исследователя, но не согласуется с габитусом и практиками органов безопасности» (Bigo 2001b: 326).

По Д. Биго, в отличие от политиков, профессионалы безопасности не просто реагируют на угрозы. Они непосредственно решают, что является, а что не является угрозой, и делают это на профессиональной основе. К их числу специалист относит, в частности, полицию, армию, жандармерию, таможенные ор-

ганы, органы госбезопасности, спецслужбы, информационные службы, ЧВК и миграционные службы (Vigo 2001a; Vigo 2001b). Габитус профессионалов безопасности составляет специфический срез знаний и технологий, недоступных обывателям, а потому скрывающихся под маской секретности и конфиденциальности. Доступ к этим знаниям наделяет их большим авторитетом и статусом, делает их профессионалами в управлении страхом – специфической области, границы которой зачастую выходят за пределы государств (Vigo 2002: 74–75). Таким образом, по мнению Д. Биго, политический дискурс секьюритизации становится действительным и обретает «здоровый смысл» через деятельность профессионалов безопасности, сообразно их оценкам ситуации и институциональным интересам (Vigo 2002: 76).

Для характеристики того, как строится работа профессионалов безопасности, Д. Биго заимствует понятие «управленчество»¹⁵ из политической философии М. Фуко (Фуко 2011). В контексте теории (ин)секьюритизации управленчество подразумевает ряд практик, а также связанных с ними знаний и технологий, с помощью которых профессионалы безопасности контролируют потоки людей и отслеживают их перемещение (Vigo 2001b: 326). Как отмечает Д. Биго, необходима генеалогия подобных практик: принуждения, защиты, умиротворения, контроля, надзора, сбора и сортировки информации, охвата территории, убеждения, утаивания, запугивания, выдворения. Соответствующим образом необходимо изучать используемые на практике технологии и знания: неподдельные методы идентификации личности, компьютеризированное отслеживание въезда, проживания и выезда, экспертные IT-системы, спутниковое слежение, базы данных (Vigo 2001b: 336). Всё это, по мнению исследователя, поможет составить представление о том, как и почему акторы прибегают к технологии (ин)секьюритизации тех или иных вопросов политики.

(Ин)секьюритизация в интерпретации Д. Биго предстаёт как «трансверсальная **политическая технология**, заточенная под использование различными институтами как особого рода управленчество над общественными страхами (или их конструированием, если необходимо), для упрочения собственной роли как гаранта защиты и безопасности и маскировки некоторых провалов в своей политике» (Vigo 2002: 66).

В самом же широком смысле практики (ин)секьюритизации – это часть арсенала политических технологий биовласти по контролю и регулированию жизни человеческих популяций, управлению балансом между безопасностью и свободой и принятию решений, кто свободен от контроля, а кто нет. Безопасность

¹⁵ Надо отметить, что данное понятие не имеет устоявшегося перевода на русский язык. В отдельных отечественных работах слово *'la gouvernementalité'* (фр.) переводится так же, как «говернментальность», «правительность», «правительственность». В рамках настоящей работы автор использует версию, предложенную переводчиками с французского языка Н. В. Сусловым, В.Ю. Быстровым и А.В. Шестаковым.

всё менее ассоциируется с применением силы против тех, кто её подрывает, и всё более напоминает работу гигантского банка, классифицирующего профили заёмщиков (Vigo 2002: 82–84).

В свою очередь Й. Хейсманс делает ещё один шаг на пути к концептуализации этой новой, «технократичной» модели секьюритизации.

Бельгийский специалист предположил, что практики (ин)секьюритизации не просто характеризуют некоторые события или ситуации как угрозы – они формируют целую институциональную среду, своего рода «индустрию страхов», где осуществляется воспроизводство и управление небезопасностью (Huysmans 2002: 53). В указанном подходе не отдаётся предпочтение ни дискурсивным, ни внеязыковым компонентам анализа: эти компоненты органично дополняют друг друга.

Такой подход ведёт главным образом к анализу процесса взаимодействия акторов, к тому, как институционализируются их отношения, приводя к возникновению этой специфической социальной среды. Таким образом, приходит к выводу исследователь, можно было бы не просто предполагать наличие некоей логики, а непосредственно деконструировать и изучать её в конкретном социальном контексте (Huysmans 2002: 57).

Для характеристики этой социальной среды в работе «Политика небезопасности: страх, миграция и убежище в ЕС» (2006) Й. Хейсманс вводит понятие «**доменов небезопасности**» (англ. – *domains of insecurity*). Согласно его идее, домены небезопасности – это «области, относящиеся к таким сферам деятельности и интересов, социальных и политических отношений, в которых последние обретают определённый смысл и делают возможным появление представлений о том, что безопасно, а что нет» (Huysmans 2006: 4).

С помощью этого аналитического инструмента Й. Хейсманс стремится продемонстрировать, что секьюритизация – это не просто результат успешности того или иного речевого акта, а ещё и соединение различных практик и технологий, благодаря которым разные знания, события и проблемы вырисовываются в одну картину и начинают интерпретироваться сообразно логике безопасности. Снова подвергая критике подход Копенгагенской школы, Й. Хейсманс подчёркивает, что на практике обращение акторов к семантическим и риторическим средствам секьюритизации миграции не подразумевает её в качестве экзистенциальной угрозы, а те дискурсы, в которых это делается, не играют ключевой роли в процессе секьюритизации (Huysmans 2006: 3–4).

Иными словами, для того чтобы воспринимать беженцев в качестве угрозы национальной безопасности, вовсе не обязательно «в лоб» заявлять об исключительной опасности этого явления. Секьюритизация рождается словно бы из самого контекста ситуации как результат институционального взаимодействия многих акторов, результат переплетения знаний и технологий в непубличной сфере технократии и эпистемических сообществ (Huysmans 2006: 4, 150–153). Таким образом, речь идёт о двух разных и равноценных интерпретациях или

технологиях секьюритизации: **дискурсивной** (в духе теории О. Вэйвера) и **технократической** (в духе теории Д. Биго).

Это сочетание двух различных технологий секьюритизации и составляет главную новизну концепта доменов небезопасности. Указанный инструмент позволяет изучать процесс секьюритизации в ситуациях, когда высказывания не содержат ни аргументации о необходимости выживания референтного объекта перед лицом угроз, ни прямых отсылок к этим угрозам – словом, когда необходимая риторическая и семантическая структура высказываний попросту отсутствует.

Технократические практики (будь то, к примеру, ежедневные практики полиции или военных) не просто создают фон или контекст, выступая в роли сопутствующих условий для секьюритизации, не всегда они служат и основанием для дискурсивных репрезентаций вопросов безопасности. Скорее, они также, наравне с дискурсивными практиками, способны секьюритизировать, но их работа строится на качественно иных принципах. Какие же это принципы, и в чём состоит механизм этой технократической модели, отличающейся от классической модели секьюритизации?

Поиски ответа на этот вопрос приводят Й. Хёйсманса к пересмотру понятия речевого акта, ставшего краеугольным камнем классической теории секьюритизации. В одной из своих более поздних работ исследователь, обращаясь к идеям британского политолога Э. Исина приходит к выводу, что понятие «акт» в классической теории секьюритизации подразумевает в первую очередь «разрыв» (англ. *rupture*) привычного хода и порядка вещей (Isin 2008). В российской науке суть идей Э. Исина весьма удачно передаёт А. Кондаков, говоря о разрыве как о своего рода продуктивном сбое в системе (Кондаков 2014).

Но такая трактовка подразумевает исключительно элитистское видение процесса секьюритизации (Huysmans 2011: 375), где первостепенную роль играют правительственные элиты, принимающие решения *ex nihilo*, утверждающие чрезвычайные меры и «разрывающие» привычный порядок вещей для противодействия тем или иным угрозам.

Совсем иначе обстоит дело, когда речь, к примеру, касается рутинных практик и решений, ежедневно принимаемых профессионалами безопасности «на местах». Акт словно бы оказывается рассеянным в мириадах практик, и становится сложно определять, какие решения оказываются критическими, а какие нет. Более того, как отмечает Й. Хёйсманс, цитируя работу других исследователей: «в рассеянных практиках современных устройств безопасности мы никогда не можем знать, является ли решение решением... или же оно было 'обусловлено предшествующим знанием' и 'запрограммированно'» (Amoore, Goede de 2008: 180; Huysmans 2011: 375).

В таком случае секьюритизация заключается отнюдь не в нарушении привычного хода вещей или выходе за рамки установленного порядка. Напротив, она является частью этого порядка, порождая внутри него новые субъекты, но-

вые значения и вещи в повседневной, автоматизированной и «непринуждённой» манере.

Позднее в зависимости от того, идёт ли речь о принятии исключительных мер, «разрыве» привычного порядка вещей или о «рассеивании» безопасности, Й. Хёйсманс переименовывает т.н. дискурсивную технологию секьюритизации в **эксепционалистскую** (*exceptional* – англ. *исключительный*), а технократическую технологию в **диффузную** (*diffuse* – англ. *рассеянный, размытый*) (Huysmans 2014). Говоря о практиках секьюритизации как технологиях, специалист уточняет, что под технологией понимается, во-первых, определённая логика (рациональность), организующая определённый способ действия и, во-вторых, процесс, разворачивающийся сообразно этой логике в практических ситуациях (Huysmans 2014: 18).

Эксепционалистская технология секьюритизации ассоциируется специалистом с классической трактовкой секьюритизации как экстремальной формой политизации публичных вопросов, связанных с выживанием, защитой от экзистенциальных угроз и практиками национальной безопасности. Это утверждение классической теории секьюритизации в новом свете. Но в отличие от О. Вэйвера, видевшего основание своей теории в философии Х. Арендт (Wæver 2014: 122; Арендт 2000), эксепционалистская технология секьюритизации берёт начало из политической философии К. Шмитта.

Й. Хёйсманс был одним из первых среди ученых, обративших внимание на связь между теорией секьюритизации и децизионистской моделью политики немецкого философа К. Шмитта¹⁶. Наблюдательному читателю не составит труда заметить, что центральная идея секьюритизации, заключающаяся в нарушении привычного хода политической жизни и принятии чрезвычайных мер, явно перекликается с известным утверждением К. Шмитта: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» (Шмитт 2000: 15). Именно это право на действие, решение, принимаемое *ex nihilo* и не связанное никакими сторонними обязательствами, процедурами и действиями других людей делает из политического актора суверена. Он и только он обладает правом «перечеркнуть» рамки ежедневной политики, находясь внутри нормативного порядка и в то же время вне его, располагаясь, словно на стене, отделяющей «защищённый правом рай от правового хаоса» (Huysmans 2014).

По мнению Й. Хёйсманса, всё сказанное выше в полной мере относится и к процессу секьюритизации, ведь она также предполагает выход за рамки ли-

¹⁶ В зарубежной и отечественной литературе связи теории секьюритизации с творческим наследием К. Шмитта посвящено немало научных работ. Представляется, однако, что речь идёт не столько о прямой связи с воззрениями К. Шмитта как таковыми, сколько о связи с политическим реализмом в целом. Известны, к примеру, обмен идеями и продуктивные научные дискуссии, имевшие место между К. Шмиттом и Г. Моргентау – классиком политического реализма. Сказанное подтверждает и тот факт, что, по признаниям самого О. Вэйвера, на момент создания теории секьюритизации он ещё не читал работы К. Шмитта и ознакомился с ними позднее.

берально-демократической политики и движение в сторону политики чрезвычайных мер, призванных нейтрализовать угрозы государству, обществу или миру (Huysmans 2006: 135; Huysmans 1998b: 586). Эта политика, воспроизводящая страх и мобилизующая общество на борьбу с опасными угрозами всеми доступными средствами, едва ли возможна без разделения мира политического на «друзей» и «врагов», о чём также писал и К. Шмитт: «Мир, в котором была бы полностью устранена и исчезла бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворенный Земной шар, был бы миром без различения друга и врага и вследствие этого – миром без политики» (Шмитт 2016: 310-311).

Таким образом, согласно представлениям Й. Хёйсманса, децизионистская модель политики К. Шмитта находит своё отражение в классической теории секьюритизации и, следовательно, в эксепционалистской технологии секьюритизации. Децизионизм К. Шмитта не только воспроизводит антагонизмы по оси «друг/враг», но и отводит первостепенную роль тем, кто принимает чрезвычайные меры, невзирая на «букву закона», что подразумевает элитистское видение процессов секьюритизации. Ежедневные и рутинные практики масс уступают место практикам элит, сильных и харизматичных лидеров, принимающих волевые решения в ситуациях, требующих исключительных мер (Huysmans 1998b).

Но наряду с этой технологией, продолжающей играть большую роль в современных международных отношениях, Й. Хёйсманс выделяет также **диффузную технологию** секьюритизации, «рассеивающую» небезопасность в повседневных практиках в самых разных областях жизни современного человека. Для её характеристики специалист выходит за рамки интеллектуальной традиции, проложенной Д. Биго и политической философией М. Фуко, привлекая современные наработки в области исследований о рисках (англ. *risk studies*).

Исследования в области рисков в контексте международной политики обрели популярность во второй половине 2000-х гг., изначально зародившись в лоне экономической теории и социологии. Развивая концепт диффузной технологии секьюритизации, Й. Хёйсманс обращается к большому числу подобных произведений, часть которых была представлена трудами социологов, криминологов, а также международников, условно причисляемых к т.н. школе критических исследований в области рисков (Petersen 2011).

Отличительная особенность диффузной технологии секьюритизации заключается, таким образом, в переключении акцентов политики безопасности в сторону от экзистенциальных угроз к управлению и предупреждению всевозможных рисков, связанных, в том числе, с ещё неизвестными опасностями, которые таит в себе неопределённость будущего (Huysmans 2014: 78).

Характерным примером здесь служит феномен международного терроризма, который, по мнению О. Кесслер и К. Даазе, во многом перевернул традиционные представления о назначении и функциях аппаратов безопасности: «То, что случилось 11 сентября, повлекло за собой фундаментальный сдвиг в

политическом лексиконе... старые значения более не ухватывали сути происходящего, так как атаки не являлись ни противоправным действием, ни войной, ни публичным явлением, ни частным» (Kessler, Daase 2008: 212). Таким образом, деконструируя границы между прежними категориями мыслимого и немислимого, допустимого и недопустимого, действия террористов привели к расширению спектра практик безопасности, главным назначением которых стало предвидение и предотвращение риска. Как отмечает Й. Хёйсманс, взвешивая и рассчитывая риски, практики безопасности перестают воспроизводить представления в духе «друзья/враги». Управление рисками разбивает эти бинарные оппозиции, профилируя население и градуируя небезопасность (например, разделяя жилые кварталы исходя из предрасположенности их жителей к совершению тяжких преступлений, профилируя мигрантов, в соответствии с их ожидаемой склонностью к незаконному пересечению границы и т. д.) (Huysmans 2014: 102).

Для диффузной технологии секьюритизации характерно два метода: метод ассоциативного секьюритизирования (англ. *associative securitizing*) и метод сборки подозрений (англ. *assembling suspicion*) (Huysmans 2014: 75–76).

Говоря о методе или, если быть более корректным, о принципе **сборки подозрений**, Й. Хёйсманс обращается к идеям К. Хэггерти и Р. Эриксона (Ericson, Haggerty 1997), известным в российской криминологии по т. н. теории надзорного коллажа (Гуринская 2014). Надзор играет большую роль в процессе диффузной секьюритизации и включает в себя различные формы мониторинга, предполагающие автоматизированные практики сбора и сортировки информации, позволяющие сравнивать, сопоставлять и обмениваться полученными данными между различными институтами и структурами. Технологии надзора рассеивают небезопасность в том смысле, что делают её более абстрактной: полученные данные фрагментируются, отделяются от своих непосредственных физических носителей и систематизируются количественными методами и техниками профайлинга. Но сам по себе надзор не ведёт к секьюритизации – для неё необходимо подозрение. Под подозрением понимается отнюдь не психологический феномен, а организующий принцип, согласно которому осуществляется надзор: «Предполагается, что виновны все, пока система коммуникации рисков не докажет обратное» (Ericson, Haggerty 1997: 449). Иными словами, эффект секьюритизации достигается постоянным фоновым присутствием подозрений: в отношениях между банками, клиентами и государством, между мигрантами и полицией и т.п.

В свою очередь метод **ассоциативного секьюритизирования** заключается в связывании вместе различных явлений, ситуаций, проблем и отношений посредством дискурса и технологий. Секьюритизация в этом случае не предполагает наличия экзистенциальной угрозы, требующей неотложного приоритета в сравнении с другими вопросами политики. Она, тем не менее, формирует в сознании людей устойчивые ассоциации, порождая связи между различными

феноменами и делая из индивидов невольных участников процесса. В качестве примера Й. Хёйсманс упоминает реально существовавшую в Великобритании информационную листовку, призывавшую потребителей не покупать пиратские DVD-диски. Аргументация отнюдь не сводилась к характеристике цифрового пиратства как экзистенциальной угрозы обществу. Вместо этого читатель погружается в широкий контекст проблематики безопасности, в которой цифровое пиратство органично связывается с угрозами нелегальной миграции, международной преступности и коррупции (Huysmans 2014: 74).

Возникает вопрос: в чём же состоит главный замысел представленной технологии секьюритизации? Уж не допускает ли Й. Хёйсманс, что прежняя модель секьюритизации, описанная О. Вэйвером, утрачивает актуальность? Или же он хотел расширить предметное поле исследований за счёт включения в него проблематики других дисциплин, например криминологии?

Как утверждает сам Й. Хёйсманс, сформулированная им технология секьюритизации позволяет по-новому взглянуть на то, как практики безопасности влияют на демократию и жизнь политических сообществ в целом. Классическая или, как называет её исследователь, эксепционалистская технология демонстрирует в этом плане лишь часть того, что можно увидеть (Huysmans 2014: 89). Так, весьма распространённой в академической среде является точка зрения, что современные практики безопасности не просто не защищают демократию, но и подрывают сами основы того, что принято называть либерально-демократическим строем (Shklar 1989; Isin 2004; Zedner 2005; Behnke 2013).

Этот «подрыв», однако, заключается не только в том, что практики безопасности задают пределы демократической политики и воссоздают водораздел между повседневной и чрезвычайной политикой, как это можно было бы предположить в случае с классической теорией секьюритизации. Описываемая Й. Хёйсмансом диффузная технология секьюритизации демонстрирует, что влияние практик безопасности на политическую жизнь общества носит поистине всеобъемлющий и всепроникающий характер, приводя к переосмыслению многих ценностей, принятых называть демократическими. Современные практики надзора и социального контроля продолжают развиваться, так как практики безопасности системно воспроизводят небезопасность как на национальном, так и на международном уровне. В этом порочном круге индивид всё больше занимает своё место в качестве управляемого объекта. Данные, считываемые и отделяемые от своих физических носителей, агрегируются, систематизируются и передаются из рук в руки, минуя национальные границы и начиная жить собственной жизнью «виртуальных двойников». Во всей этой системе всё меньше и меньше видно, как своими действиями индивид способен повлиять на эти процессы, всё больше превращаясь в беспомощного и пассивного наблюдателя.

Обсуждение результатов: к оценке преимуществ и недостатков теоретического подхода Парижской школы

Интеллектуальная традиция, проложенная усилиями Д. Биго, Й. Хейсманса и условно называемая Парижской школой исследований о безопасности, даёт богатую почву для размышлений о феномене секьюритизации. Предложенное авторами видение значительно отличается от классической интерпретации секьюритизации, данной О. Вэйвером и Б. Бузаном.

В первую очередь бросается в глаза, что в работах Д. Биго и Й. Хейсманса секьюритизация неизменно предстаёт как политическая технология, воспроизводящая небезопасность. Характерным примером, на который ссылаются критики (Croft 2010; Floyd, Croft 2011), служит, в частности, следующее высказывание Д. Биго: «Данная интерпретация... безопасности является не чем иным, как отражением увеличения угроз в современную эпоху, это снижение уровня притяжения других, это попытка инсекьюритизации повседневной жизни профессионалами безопасности и увеличение потенциала возможностей для действий полиции» (Bigo 2001a: 102).

Более того, Д. Биго предпринимает попытку представить мир политики с позиции третьей стороны, а именно «...людей, не имеющих возможности говорить, права быть равнодушными к войнам политиков, права участвовать в нескончаемой игре по переопределению идентичности» (Bigo 2001a: 93).

Такая исследовательская установка, вероятно, также восходит к философской традиции, проложенной М. Фуко. По замечанию известного зарубежного социолога Барри Смарта, в политической философии М. Фуко роль современного интеллектуала состоит не в том, чтобы обнаруживать скрытые истины, шествуя «несколько впереди и в стороне», а в том, чтобы бороться против форм власти, превращающих его в объект и инструмент в сфере «знания», «истины», «дискурса». В этом смысле теория не служит нуждам практики – она сама по себе является проявлением практики (Smart 1985: 17).

Таким образом, роль учёного с точки зрения Парижской школы представляет собой не столько роль аналитика, сколько роль политически мотивированного критика, подвергающего сомнению не только устоявшиеся теоретические догмы, но и стоящие за ними формы власти.

Представление секьюритизации в подобном ключе можно оценивать двояко. С одной стороны, исследователи обратили внимание на тот факт, что любая политика безопасности неизбежно сопряжена с ростом защищённости одних объектов за счёт безопасности других. Подход, предложенный Д. Биго и Й. Хейсмансом, открывает простор для политической критики секьюритизации и демонстрирует, как современные практики безопасности в ежедневной и непринуждённой манере отделяют одни категории населения от других, вмешиваясь в повседневную жизнь человека и ужесточая меры социального контроля.

С другой стороны, такой подход всегда однобоко характеризует секьюритизацию не иначе как негативный процесс, что навлекло на работы Д. Биго и Й. Хейсманса немало критики со стороны специалистов (Floyd, Croft 2011; Hirschauer 2019). Спорно выглядит и характеристика секьюритизации в антураже шмиттовского децизионизма, что придаёт этому явлению негативные коннотации и делает из теории секьюритизации ровно то, чего её изначальные создатели стремились избежать. Это, безусловно, облегчает задачу политической критики секьюритизации, но не согласуется с классической интерпретацией теории в духе философии Х. Арндт.

Таким образом, бездумное использование предложенного подхода для анализа практических проблем рискует обернуться научной авантюрой, в результате которой секьюритизация начнёт подвергаться повсеместной политической критике даже в спорных ситуациях, приводя, выражаясь словами М. Уильямса, к «секьюритизированию» самой секьюритизации (Williams 2011). Как ни парадоксально, но тогда исследователи сами рискуют попасться в небезызвестный «капкан» нормативной дилеммы безопасности¹⁷.

Узость предлагаемой интерпретации заключается также в том, что технократические или, вспоминая работы Й. Хейсманса, диффузные технологии секьюритизации рассматривают в качестве референтного объекта безопасности по сути лишь общество, ограничиваясь вопросами, связанными с передвижением и мобильностью людей в условиях глобализации (например, вопросами международной миграции или терроризма). Кроме того, ряд критиков отмечает скудный географический охват анализа, ограничивающийся рамками ЕС, (Floyd, Croft 2011; Adamides 2020) а также излишний упор на рутинные практики профессионалов безопасности (Floyd 2016; Baysal 2020).

Отдельной критике подверглась теория (ин)секьюритизации Д. Биго. Британская исследовательница Р. Флойд, анализируя работы французского специалиста, приходит к выводу, что построение всей теории на идеях из философии М. Фуко оказывается контрпродуктивным, превращая исследовательскую стратегию Д. Биго в самосбывающееся пророчество¹⁸. Иными словами, принимая суждения М. Фуко о политике и истории в качестве своеобразных отправных точек или аксиом, исследователь применяет методологический аппарат М. Фуко к изучению окружающей действительности, обнаруживает искомые практики и находит подтверждение первоначальным суждениям М. Фуко, вновь убежда-

¹⁷ Суть этой дилеммы, впервые описанной шведским исследователем Й. Эрикссоном в 1999 г., состоит в следующем: как писать или говорить о безопасности, когда эти знания потенциально продуцируют секьюритизацию – то, чего исследователю хотелось бы избежать? В фокусе исследований безопасности оказывается вопрос: а стоит ли в принципе рассматривать определённую проблему под углом зрения безопасности, если это сулит обернуться расширением повестки секьюритизации?

¹⁸ Floyd R. 2006. *When Foucault met security studies: A critique of the 'Paris school' of security studies* (тезисы, представленные на ежегодной конференции BISA, 18-20 декабря, университет Корк, Ирландия).

ясь в их правильности¹⁹. Пример, приведённый Р. Флойд, иллюстрирует и другой явный недостаток подхода Парижской школы. Обращение исследователей к изучению повседневных практик и технологий создаёт бездонный потенциал для политической критики, позволяя легко находить подтверждение основным положениям теории, но при этом относить к технологиям секьюритизации самые разные явления и события жизни, далёкие от мира высокой политики. К примеру, водитель автобуса, везущий пассажиров самолёта к площадке с подъёмным трапом, останавливается и не выпускает пассажиров до тех пор, пока не получит соответствующей команды, даже если в салоне автобуса душно и тяжело находиться, а в мире продолжается эпидемия COVID-19. Является ли эта практика секьюритизацией угрозы терроризма, поддерживаемой в целях обеспечения безопасности на территории аэропорта, или мы просто имеем дело с банальным здравым смыслом, не позволяющим разрешать пассажирам ходить по взлётно-посадочной полосе? Чётких критериев для разграничения подобного рода практик исследователями не выдвигается.

Наконец, ещё одна существенная проблема этого подхода состоит в том, что исследователи, хотя и разделявшие некоторые основополагающие идеи, разрабатывали собственные понятийные аппараты. Указанное обстоятельство затрудняет целостное восприятие этого направления исследований. Возможно, речь необходимо вести о двух разных теориях секьюритизации, в фокусе которых оказывается либо политическая социология в контексте практик управления и биополитики (Д. Биго), либо влияние практик безопасности на организацию жизни политических сообществ (Й. Хёйсманс). Так или иначе, несмотря на отмечаемые недостатки, общим достоинством обоих подходов можно назвать обоснование и развитие идеи о диалектической связи между безопасностью и небезопасностью, а также идею о том, какую большую роль, а, следовательно, и ответственность, несут на себе технократы и профессионалы безопасности, занятые работой в специфической области – «индустрии страхов».

Ежедневные рутинные практики безопасности, относимые к области т.н. «низкой» политики, порой могут рассказать о международной безопасности больше, чем громкие заявления политических лидеров с трибун. Трудно не согласиться и с тем, что представления о безопасности во многом конституируют саму суть политического: что является хорошим и приемлемым, а что недопустимым; как людям и государствам следует и не следует поступать по отношению друг к другу, к окружающей среде? Таким образом, пространство вопросов безопасности связано не только с принятием решений и определением угроз. Оно нормативно и неотделимо от ценностного измерения политики.

¹⁹ Возможно поэтому Й. Хёйсманс в своих более поздних работах избегает упоминаний о М. Фуко и практически не использует его понятийный аппарат, что создаёт существенный контраст с его ранними трудами.

* * *

В отличие от исследователей Копенгагенской школы, основатели Парижской школы Д. Биго и Й. Хейсманс не связывают секьюритизацию с речевым актом и дискурсивным пространством политики. Стремясь к более полному и адекватному пониманию реальности, они обращаются к политической социологии и изучают процесс конструирования представлений об угрозах в ежедневной деятельности профессионалов безопасности. В результате секьюритизация предстаёт не столько в виде дискурсивных практик (как это можно предположить в случае с Копенгагенской школой) или естественной потребности (как это можно предположить в рамках более традиционных подходов), а как политическая технология, с помощью которой осуществляется управление общественными страхами и организуется жизнь политических сообществ.

Исследователи Парижской школы постепенно разрабатывают качественно иную модель секьюритизации, разбивающую традиционную логику организации политического пространства в духе «друзья/враги». Представленная «диффузная» технология секьюритизации не подразумевает принятия чрезвычайных мер и выхода за рамки привычной политики. Напротив, привычная политика является её составной частью и связана с управлением рисками, профайлингом населения и «рассеиванием небезопасности» в мириадах повседневных практик профессионалов безопасности.

Для наглядности и удобства читателя результаты сравнительного анализа моделей секьюритизации, предложенных в рамках Копенгагенской и Парижской школ, представлены в таблице (см. табл.1).

Таблица 1. Сравнительный анализ Копенгагенской и Парижской моделей секьюритизации

Table 1. Comparative analysis of the “Copenhagen” and “Paris” models of securitization

Критерии анализа	Классическая / дискурсивная модель секьюритизации (Копенгагенская школа)	Технократическая / диффузная модель секьюритизации (Парижская школа)
Теоретико-философские основания модели	Теория речевых актов Дж. Остина; политическая философия Х. Арендт	Политическая философия М. Фуко; политическая социология П. Бурдьё
Эпистемологические аспекты (что изучается?)	Дискурсивные практики, речевые акты	Технократические, административные и политические практики
Методологические аспекты (как изучается?)	Преимущественно дискурсивный анализ текстов	Методы политической социологии: глубинное интервью, социологическая интервенция и т.п.
Онтологические аспекты (что есть секьюритизация?)	Экстремальная форма политизации («чрезвычайное» измерение политики)	Политическая технология («повседневное» измерение политики)
Нормативные аспекты (нормативная оценка безопасности / роли эксперта)	Негативное значение ²⁰ безопасности / эксперт как аналитик	Негативное значение безопасности / эксперт как политически-мотивированный критик

²⁰ «Позитивное» и «негативное» в этом контексте означает следующее: оценивается ли безопасность как общественное благо в духе «чем больше, тем лучше», либо как потенциально нежелательное и даже вредящее явление/практика.

К недостаткам подхода Парижской школы можно отнести во многом однобокую интерпретацию секьюритизации как исключительно негативного феномена, ограниченный круг референтных объектов безопасности, узкий географический охват исследований, отсутствие чётких критериев, позволяющих относить те или иные практики к практикам секьюритизации, а также отсутствие единообразия в понятийном аппарате, что затрудняет целостное восприятие этого направления исследований.

Возвращаясь к вопросу, поднятому в начале статьи: является ли наш мир сегодня более предсказуемым, стабильным и безопасным, нежели раньше? Принимая во внимание все вышеизложенные аргументы Парижской школы, ответ будет: «и да, и нет».

Безопасность воспроизводит небезопасность ровно так же, как добро становится возможным благодаря представлениям о зле, а международный порядок – благодаря представлениям о беспорядке. В каждый настоящий момент политического времени мир безопасен ровно настолько, насколько живы и репрезентации мира как хаоса и небезопасности. В этом смысле «нарастающая неопределённость» международных отношений – это не более чем модное клише, ибо она является неизменным спутником любой политики безопасности во все времена. Судить о том, стал ли нынешний мир безопаснее или нет можно разве что ретроспективно, взирая на предшествующие исторические эпохи и сравнивая современность с прошлым.

Подводя итоги и оценивая политический смысл теоретических наработок Парижской школы, можно сделать вывод, что они представляют ценность для исследования актуальных международных проблем как минимум по двум взаимосвязанным причинам.

Во-первых, поворот в сторону от изучения дискурсивных практик к исследованию реальных повседневных практик т.н. профессионалов безопасности служит важным подспорьем для преодоления разрыва между теорией международных отношений и реально сложившимися практиками в сфере безопасности. По замечанию исследователей Парижской школы, дискурс является лишь «вершиной айсберга», а истоки любой политики безопасности проистекают даже не из кулуаров правительственных элит, а из повседневных, привычных и рутинных практик тех, кто непосредственно курирует вопросы безопасности (Vigo 2002: 86; Vigo 2014: 212). Эти практики (принуждение, надзор, умиротворение, охват территории, сбор, сортировка, хранение информации и многие другие) часто предварительно структурируют и обуславливают перспективу взгляда на проблему безопасности. Исследуя эти практики, можно прогнозировать содержание политики безопасности.

Во-вторых, в своих исследованиях Д. Биго и Й. Хейсманс затронули ещё одну важную проблему. Работы Парижской школы следует рассматривать не как критику, к примеру, миграционной или антитеррористической политики ЕС (что было бы сильным упрощением), а во многом как критику современ-

ного неолиберального общества в целом, порождающего и воспроизводящего подобные технологии и практики безопасности. Секьюритизация в форме политической технологии обнажает перед глазами исследователя широкий спектр средств и практик, с помощью которых осуществляется социальный контроль и политическое господство, иными словами – биополитика в современном западном обществе. Распространение и проникновение во все сферы жизни человека технологий надзора и контроля, управления рисками, профайлинга населения, создания обширных баз данных, культивирования подозрений, – всё это, как минимум, приводит к переосмыслению и переоценке того, что называется демократией. Уместно здесь провести аналогию с идеями и работами современных философов левого толка, подвергающих критике современное неолиберальное общество, в котором индивид всё более оказывается безропотным и управляемым объектом, «дискредитированным» (Feher 2019: 170; 174) и отчуждённым от мира политики (Harvey 2018: 428). Ведь большая заслуга в этом принадлежит именно современным практикам безопасности, развитие которых идёт рука об руку с технологическим прогрессом цивилизации.

В этом смысле глобальная пандемия COVID-19, вызвавшая ужесточение мер безопасности и социального контроля по всему миру, может иметь далеко идущие последствия. По мнению итальянского философа Дж. Агамбена, «...как только терроризм исчерпает себя как причина для введения чрезвычайных мер, изобретение эпидемии сможет послужить идеальным предлогом распространить эти меры за все возможные пределы»²¹. Учёным пока ещё только предстоит оценить масштаб происходящих в связи с пандемией перемен, и представленный подход обладает необходимым потенциалом для конструктивной рефлексии и критического анализа современных практик безопасности.

Об авторе:

Олег Сергеевич Гайдаев – аспирант кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ. 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд. E-mail: o.gaidaev@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Финансирование не привлекалось. Автор выражает большую признательность анонимным рецензентам за ценные пожелания и замечания.

²¹ Agamben G. 2020. *L'invenzione di un'epidemia*. URL: www.quodlibet.it/giorgio-agamben-l-invenzione-di-un-epidemia (accessed: 13.02.2022)

UDC: 327
Received: October 10, 2021
Accepted: January 12, 2022

«Danger: Security»! Securitization Theory and the Paris School of International Security Studies

O.S. Gaidaeв
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37)

St. Petersburg University

Abstract: Why does security require to be handled carefully? Can there be too much security? The scholars of the Copenhagen School: O. Wæver and B. Buzan, tackled these questions using the theory of securitization and studying security as a form of social practice. The idea that security should not always be regarded as an absolute good in international politics and threats should not always be objectified is firmly rooted in the constructivist approaches to studying international security. A continuation of these discussions may be found in the theoretical approaches that have been developed for almost fifteen years by the so-called Paris School of international security studies. Unfortunately, one has to admit that although Russian scholars are familiar with these theoretical approaches in general, the existing reviews are still largely superficial. In order to fill this gap, I have attempted to overview and assess the intellectual heritage of the Paris School comprehensively and holistically, turning to the original works of the leading figures within the school: D. Bigo and J. Huysmans. This article continues the series of studies, entirely devoted to the phenomenon of securitization: from the early drafts of the theory towards the modern theoretical concepts.

Some of the notions are introduced into the Russian academic use: “domains of insecurity”, “exceptional securitizing”, “diffuse securitizing”. The article focuses on analyzing the theoretical and philosophical underpinnings of the Paris School approach in general and the theory of (in)securitization in particular. It gives a detailed review of the authors’ ideas about the “security-insecurity” dialectical nexus and securitization as a political technology.

The final part summarizes the key points and provisions of the Paris School approach in light of its strengths and flaws. I conclude that the Paris School scholars formulated a new theoretical framework of securitization, which is different from the original version of the theory and based on the different logic of security. The proposed approach is valuable for constructive reflection and critical analysis of security practices that are most common in contemporary neoliberal societies of the West.

Keywords: insecurity, securitization theory, Paris School, international security, national security, biopolitics, neoliberalism, security professionals, political sociology, social constructivism

About the author:

Oleg S. Gaidaeв – PhD Candidate, Saint-Petersburg State University, 191060, Russia, St. Petersburg, Smolnogo St. 1/3. E-mail: o.gaidaeв@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

No funding involved. The author is grateful to the anonymous reviewers for valuable comments and advice.

References:

- Adamides C. 2020. *Securitization and Desecuritization. Processes in Protracted Conflicts: The case of Cyprus*. Cham: Palgrave Macmillan. 219 p. DOI: 10.1007/978-3-030-33200-6
- Amoore L., Goede de M. 2008. Transactions after 9/11: the Banal Force of the Preemptive strike. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 33(2). P. 173-185. DOI: 10.1111/j.1475-5661.2008.00291.x
- Bauman Z. 1992. *Mortality, Immortality, and Other Life Strategies*. Cambridge: Polity Press. 215 p.
- Baysal B. 2020. 20 years of Securitization: Strengths, Limitations and a new Dual Framework. *Uluslararası İlişkiler*. 17(67). P. 3-20. DOI: 10.33458/uidergisi.777338
- Behnke A. 2013. *NATO's Security Discourse after the Cold War*. Abingdon: Routledge. 248 p.
- Bigo D. 2001a. The Möbius Ribbon of Internal and External security(ies). Albert M., Jacobson D., Lapid Y. (eds) *Identities, Borders, Orders: Rethinking International Relations Theory*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 91-116.
- Bigo D. 2001b. When Two Become One: Internal and External Securitisations in Europe. Kelstrup M., Williams M. (eds), *International Relations Theory and the Politics of European Integration*. London: Routledge. P. 320-360. DOI: 10.4324/9780203187807
- Bigo D. 2002. Security and Immigration: Toward a Critique of the Governmentality of Unease. *Alternatives*. №27. P. 63-92. DOI: 10.1177/03043754020270S105
- Bigo D. 2008. Globalized (in)security: the Field and the Ban-opticon. Bigo D., Tsoukala A. (eds). *Terror, Insecurity and Liberty. Illiberal Practices of Liberal Regimes after 9/11*. London: Routledge. P. 10-48.
- Bigo D. 2011. Pierre Bourdieu and International Relations: Power of Practices, Practices of Power. *International Political Sociology*. 5(3). P. 225-258. DOI: 10.1111/j.1749-5687.2011.00132.x
- Bigo D. 2014. The (In)securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy – Border Guards/Police – Database Analysts. *Security Dialogue*. 45(3). P. 209-225. DOI: 10.1177/0967010614530459
- Bigo D., McCluskey E. 2018. What is a PARIS Approach to (In)securitization? Political Anthropological Research for International Sociology. Gheciu A., Wohlforth W. (eds) *The Oxford Handbook of International Security*. 18 p. URL: www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780198777854.001.0001/oxfordhb-9780198777854-e-9 (accessed 12.02.2022) DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198777854.013.9
- Bourdieu P. 2001 [1980]. *Prakticheskij smysl* [The Practical Sense]. Saint Peterburg: Aletejya. 562 p. (In Russian)
- Buzan B., Hansen L. 2009. *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 239 p.
- C.A.S.E. Collective. 2006. Critical Approaches to Security in Europe: A Networked Manifesto. *Security Dialogue*. 37(4). P. 443-487. DOI: 10.1177/0967010606073085
- Croft S. 2010. New Security Challenges in an Interdependent World. Hay.C. (ed.). *New Directions in Political Science: Responding to the Challenges of an Interdependent World*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 189-210.

- Dillon M. 2008. Biopolitics of Security in the 21st Century: an Introduction. *Review of International Studies*. 34(2). P. 265-292. DOI: 10.1017/S0260210508008024
- Ericson R., Haggerty K.D. 1997. *Policing the Risk Society*. Oxford: Clarendon Press. 487 p.
- Feher M. 2019. Disposing of the Discredited. In: Callison W., Manfredi Z. (eds), *Mutant Neoliberalism: Market Rule and Political Rupture*. New York: Fordham University Press. P. 146-176. DOI: 10.2307/j.ctvq4bz15
- Floyd R. 2016. Extraordinary or Ordinary Measures: What, and Who, Defines the 'Success' of Securitization? *Cambridge Review of International Affairs*. 29(2). P. 677-694. DOI: 10.1080/09557571.2015.1077651
- Floyd R., Croft S. 2011. European Non-traditional Security Theory: from Theory to Practice. *Geopolitics, History and International Relations*. 3(2). P. 152-179.
- Harvey D. 2018. Universal Alienation. *TripleC*. 16(2). P. 424-439. DOI: 10.31269/triplec.v16i2.1026
- Hirschauer S. 2019. For Real People in Real Places: the Copenhagen School and the Other "Little Security Nothings". *European Security*. 28(4). P. 413-430. DOI: 10.1080/09662839.2019.1656199
- Huysmans J. 2002. Defining Social Constructivism in Security Studies: The Normative Dilemma of Writing Security. *Alternatives*. №27. P. 41-62. DOI: 10.1177/03043754020270S104
- Huysmans J. 1998a. Security! What do you mean? From Concept to Thick Signifier. *European Journal of International Relations*. 4(2). P. 226-255. DOI: 10.1177/1354066198004002004
- Huysmans J. 2014. *Security Unbound: Enacting Democratic Limits*. Abingdon: Routledge. 215 p.
- Huysmans J. 2006. *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. Abingdon: Routledge. 191 p.
- Huysmans J. 1998b. The Question of the Limit: Desecuritization and the Aesthetics of Horror in Political Realism. *Millennium: Journal of International Studies*. 27(3). P. 569-589. DOI: 10.1177/03058298980270031301
- Huysmans J. 2011. What's in an Act? On Security Speech Acts and Little Security Nothings. *Security Dialogue*. 42(4-5). P. 371-383. DOI: 10.1177/0967010611418713
- Isin E.F. 2004. The Neurotic Citizen. *Citizenship Studies*. 8(3). P. 217-235. DOI: 10.1080/1362102042000256970
- Isin E.F. 2008. Theorizing Acts of Citizenship. Isin E.F., Nielsen G.M. (eds) *Acts of Citizenship*. London: Zed Books. P. 15-43.
- Kessler O., Daase C. 2008. From Insecurity to Uncertainty: Risk and the Paradox of Security Politics. *Alternatives*. 33(2). P. 211-232. DOI: 10.1177/030437540803300206
- Lo B. 2015. *Russia and the New World Disorder*. London: Chatham House. 336 p.
- Petersen K.L. 2011. Risk Analysis – A Field Within Security Studies. *European Journal of International Relations*. 18(4). P. 693-717. DOI: 10.1177/1354066111409770
- Shklar J.N. 1989. The Liberalism of Fear. Rosenblum N.L. (ed.). *Liberalism and the Moral Life*. Harvard: Harvard University Press. P. 21-38. DOI: 10.4159/harvard.9780674864443.c2
- Smart B. 1985. *Michel Foucault*. Chichester: Ellis Horwood Ltd. 150 p.
- Walker R.B.J. 1993. *Inside/outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 233 p. DOI: 10.1017/CBO9780511559150
- Walker R.B.J. 1997. The Subject of Security. Williams M.C. and Krause K. (eds) *Critical Security Studies. Concepts and Cases*. London: UCL Press. P. 61-81.
- Williams M.C. 2011. Securitization and the Liberalism of Fear. *Security Dialogue*. 42(4-5). P. 453-463. DOI: 10.1177/0967010611418717

Wæver O. 1995. Securitization and Desecuritization. Lipschutz R.D. (ed.) *On Security*. New York: Columbia University Press. P. 46-86.

Wæver O. 2014. The theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization. *International Relations*. 29(1). P. 121-127. DOI: 10.1177/0047117814526606d

Wæver O. 2010. Towards a Political Sociology of Security Studies. *Security Dialogue*. 41(6). P. 649-658. DOI: 10.1177/0967010610388213

Zedner L. 2005. Securing Liberty in the Face of Terror: Reflections from Criminal Justice. *Journal of Law and Society*. 32(4). P. 507-533. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2005.00336.x

Badie B. 1995. *La Fin des Territoires, Essai sur le Désordre International et l'Utilité Sociale du Respect* [The End of Territories, Essay on International Disorder and the Social Utility of Respect]. Paris: Fayard. 276 p. (In French)

Bourdieu P. 1984. Espace social et genèse des "classes" [Social Space and the Genesis of "Classes"]. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. №52-53. P. 3-14. (In French)

Eyvazov J. 2017. Sekyuritizatsiya i regionalnaya aktivnost derzhav na primere politiki Rossii v ukrainskom krizise [Securitization and Regional Activity of a Major Power: The Case of Russia's Policy during the Ukrainian Crisis]. *International Trends*. 15(4). P. 156-173. (In Russian) DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9

Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. 2020. Novyye vektory razvitiya informatsionnogo prava v usloviyakh tsivilizatsionnogo krizisa i tsifrovoy transformatsii [New Vectors for the Development of Information Law in the Context of Civilizational Crisis and Digital Transformation]. *Gosudarstvo i pravo*. №5. P. 75-87. (In Russian) DOI: 10.31857/S013207690009678-7

Veyne P. 1979. *Comment on écrit l'histoire, essai d'epistemologie* [How we Write History, Essay on Epistemology]. Paris: Éditions du Seuil. 384 p. (In French)

Agamben G. 2011 [1995]. *Homo Sacer: Suverennaya vlast i golaya zhizn* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life]. Moscow: Evropa. 256 p. (In Russian)

Apryshchenko V.Yu. 2016. Pamyat' kak bezopasnost' [Memory as security]. *The New Past*. №3. P. 86-108. (In Russian)

Arendt H. 2000 [1958]. *Vita activa: ili o deyatelnoy zhizni* [The Human Condition]. Saint Petersburg: Aleteya. 437 p. (In Russian)

Baudrillard J. 2000 [1993]. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet. 389 p. (In Russian)

Foucault M. 2011 [2004]. *Bezopasnost. Territoriya. Naseleniye: kurs lektsiy. pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977-1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: lectures at the Collège de France, 1977-78]. Saint Petersburg: Nauka. 544 p. (In Russian)

Foucault M. 1996 [1976]. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow: Kastal'. 448 p. (In Russian).

Gaidav O.S. 2021. Teoriya sekjuritizatsii, ili Khorosho zabytoye staroye: k voprosu o teoretiko-filosofskikh istokakh i zarozhdenii teorii [Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 21(1). P. 20-32. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Grigoryeva K.S. 2021. Migranty kak «litsa, podverzhennyye ideologii terrorizma». Institutionalnyy analiz rossiyskogo keysa sekjuritizatsii migratsii [Migrants as "Persons Exposed to the ideology of terrorism". Institutional analysis of the Russian case of securitization of migration]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 24(3). P. 58-85. (In Russian) DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4

Gurinskaya A.L. 2014. Nadzor kak sredstvo obespecheniya bezopasnosti: ot prostranstva tyur'my do kiberprostranstva [Surveillance as a Security Measure: from Prison to Cyberspace]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 33(2). P. 86-93. (In Russian)

Kondakov A. 2014. Akty grazhdanskogo sostoyaniya: migracionnaya politika i grazhdanskiy postupok [The Acts of Civil Subjects: Migration and Acts of Citizenship]. *The Journal of Social Policy Studies*. 12(2). P. 169-184. (In Russian).

Kononov V.N., Poghosyan G.K. 2020. Nagorno-Karabakhskiy konflikt v kontekste teorii sekuritizatsii [The Nagorno-Karabakh Conflict in the Context of Securitization Theory]. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*. 85(8). P. 13-17. (In Russian)

Konyshev V.N., Sergunin A.A., Subbotin S.V. 2016. Social'nyj konstruktivizm o problemah bezopasnosti [Social Constructivism on Security Problems]. *Theories and Problems of Political Science*. №3. P. 94-112. (In Russian)

Matalaeva F.E. 2017. Sek'yuritizatsiya mezhdunarodnoj migratsii v Evrope [Securitization of International Migration in Europe]. *Obozrevatel' – Observer*. 2(325). P. 45-57. (In Russian).

Mikhailenko A.N. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Rossii v usloviyakh mirovoy neopredelennosti [Foreign Policy Activity of Russia in the Context of Global Uncertainty]. *Etnosotium i mezhnatsionalnaya kultura*. 109(7). P. 132-142. (In Russian)

Shmitt C. 2000 [1922]. *Politicheskaya teologiya* [Political Theology]. Filippov A.V. (ed). Moscow: Kanon-press-C. 336 p. (In Russian)

Shmitt C. 2016 [1932]. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Filippov A.V. (ed). Saint Petersburg: Nauka. 555 p. (In Russian)

Yudin N.V. 2017. Svyazka «bezopasnost' – razvitiye»: opyt postmodernistskogo analiza [Security-Development Nexus: a Postmodern Analysis]. *Moscow University Bulletin of World Politics*. №3. P. 3-35. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агамбен Дж. 2011 [1995]. *Ното Сасер: суверенная власть и голая жизнь*. Москва: Европа. 256 с.

Апрыщенко В.Ю. 2016. Память как безопасность. *Новое прошлое*. №3. С. 86-108.

Арендт Х. 2000 [1958]. *Vita activa, или о деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя. 437 с.

Бодрийяр Ж. 2000 [1993]. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет. 389 с.

Бурдье П. 2001 [1980]. *Практический смысл*. Санкт-Петербург: Алетейя. 562 с.

Гайдаев О.С. 2021. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 21(1). С. 20-32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Григорьева К.С. 2021. Мигранты как «лица, подверженные идеологии терроризма». Институциональный анализ российского кейса секьюритизации миграции. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 24(3). С. 58-85. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.3.4

Гуриная А.Л. 2014. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства. *Криминалогия: вчера, сегодня, завтра*. 33(2). С. 86-93.

Кондаков А. 2014. Акты гражданского состояния: миграционная политика и гражданский поступок. *Журнал исследований социальной политики*. 12(2). С. 169-184.

Коновалов В.Н., Погосян Г.К. 2020. Нагорно-Карабахский конфликт в контексте теории секьюритизации. *Общество: политика, экономика, право*. 85(8). С. 13-17.

Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. 2016. Социальный конструктивизм о проблемах безопасности. *Теории и проблемы политических исследований*. №3. С. 94-112.

Маталаева Ф.Э. 2017. Секьюритизация международной миграции в Европе. *Обозреватель – Observer*. № 2(325). С. 45-57.

Михайленко А.Н. 2017. Внешнеполитическая деятельность России в условиях мировой неопределённости. *Этносоциум и межнациональная культура*. 109(7). С. 132-142.

Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. 2020. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации. *Государство и право*. №5. С. 75-87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

Фуко М. 2011 [2004]. *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году* (пер. с фр. Н.В. Сулова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова). Санкт-Петербург: Наука. 544 с.

Фуко М. 1996 [1976]. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. Москва.: Касталь. 448 с.

Шмитт К. 2000 [1922]. *Политическая теология*. Сборник (пер. с нем; заключит. статья и составление А.Ф. Филиппова). Москва.: Канон-пресс-Ц. 336 с.

Шмитт К. 2016 [1932]. *Понятие политического* (пер. с нем; под ред. А.Ф. Филиппова). Санкт-Петербург: Наука. 555 с.

Эйвазов Д. 2017. Секьюритизация и региональная активность держав на примере политики России в украинском кризисе. *Международные процессы*. 15(4). С. 156-173. DOI: 10.17994/IT.2017.15.4.51.9

Юдин Н.В. 2017. Связка «безопасность – развитие»: опыт постмодернистского анализа. *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. №3. С. 3-35.